Федор Николаи

Время Мебиуса: метаморфозы памяти в американской военной антропологии

В статье рассматриваются некоторые тенденции современной американской военной антропологии, которая активно стремится выйти за рамки традиционных героических и трагических нарративов. Исследователей все чаще интересуют не просто критика милитаризма и подчинение гражданской жизни военным стратегиям поведения, но фрагментарные рассказы ветеранов о повседневности на войне и дома. Автор задается вопросом, как здесь взаимодействуют социальные рамки, повседневные практики коммеморации и индивидуальные нарративные стратегии? В статье рассматриваются работы таких исследователей, как З. Вул, К. Лутц, К. Маклиш, И. Финли, Д. Прайс и др. Особый интерес в этой полемике представляет темпоральное измерение опыта комбатантов, которые оказываются на перекрестке прошлого и настоящего, - З. Вул называет его «временем Мебиуса». Разделить непроизвольное аффективное отыгрывание прошлого и его актуальную проработку здесь крайне трудно. По отдельности обе эти модальности все чаще используются политикой памяти как ресурс конструирования сомнительных идентичностей. В этом контексте представляется актуальной не столько их критика или деконструкция, но «позитивная» совместная работа над прошлым, которая могла бы стать основой для новых форм социальной солидарности. В контексте полемики об «анахронизме» важно отметить, что память ветеранов далеко не всегда можно рассматривать как осознанную «верность прошлому». Разговор о конкретных судьбах людей, коммеморативных практиках и сообществах должен быть максимально приближен к реальности, а не к теории истории. В заключение автор обозначает некоторые перспективы и проблемы трансфера идей американской военной антропологии применительно к сюжетам российской истории XX в.

Ключевые слова: исследования памяти, анахронизм, военная антропология, травма, нарратив, аффект, сообщества, ветераны

Николаи Федор Владимирович — кандидат исторических наук, доцент факультета гуманитарных наук НГПУ им. К. Минина. Научные интересы: теория истории, исследования памяти, военная антропология, устная и новая интеллектуальная история. E-mail: fvnik@list.ru

Fedor Nickolae — Associate Professor, Department of Humanities, Minin University. Research interests: historical theory, memory studies, war anthropology, oral- and intellectual history. E-mail: fvnik@list.ru

Fedor Nickolae
Mobius Time: Metamorphoses of Memory in American War Anthropology

The paper considers some trends of American war anthropology, which tries to overcome traditional heroic and tragic narratives. The researchers are interested not just in a critique of militarism and the subordination of civilian life to military strategies for behavior, but in fragmentary and fragmented combatant's stories about everyday life at war and at home. How do social frameworks, ordinary practices of commemoration, and personal narratives interact? The article considers the works of Z. Wool, K. Lutz, K. MacLeish, E. Finley, D. Price, etc. Especially important in their debates is the temporal dimension of combatant's experience. They find themselves on the crossroad of past and present, in the "Mobius time" (Z.Wool). It becomes very difficult to divide affective acting-out of the past and its actual working-through. Often both the ways are used by the memory politics as resource for doubtful identities construction. That's why positive coming to terms with the past becomes very important, and it could be a basis for the new forms of social solidarity. In the context of the discussion about "anahronizme" it is important to note that veteran's memory can't be seen as a conscious "loyalty to the past". Their fates, commemorative practices and communities must be considered as close as possible to reality, rather than to the theory of history. Finally, author identifies some of the opportunities and challenges of transfer American military anthropology ideas in relation to Russian history of the twentieth century.

Keywords: memory studies, anachronism, war anthropology, trauma, narrative, affect, community, combatants

В своих книгах «Ахилл во Вьетнаме» и «Одиссей в Америке» известный американский психотерапевт Д. Шэй парадоксальным образом приравнивает опыт войны в Юго-Восточной Азии к Троянской войне Гомера [Shay, 1995; Shay, 2003]. Аналогичным образом историк профессор Л. Тритл из Лос-Анджелеса сравнивает плач Ахилла над телом Патрокла и скорбь ветеранов Вьетнама, вспоминающих своих погибших товарищей; осаду Мелоса в ходе Пелопонесской войны и резню в Сонгми; критику Агамемнона Терситом и фильм «Взвод» О. Стоуна [Tritle, 2000]. По его мнению, для рядовых солдат (и их воспоминаний о прошлом) огромный выброс адреналина и мощный аффект во время рукопашной гораздо важнее, чем исторические и культурные различия в артикуляции военного опыта, даже если речь идет о греческих гоплитах и американских «зеленых беретах».

Такой откровенный анахронизм вызывает удивление: как можно приравнивать столь разные эпохи, армии и культуры воспоминаний? Безусловно, подобный прыжок во времени не типичен для популярных сегодня memory studies. Но не является ли этот ход

продуктивным, позволяет ли он вскрыть сущностно важные черты? Возможен ли прямой доступ к историческому опыту? Можем ли мы разделить «продуктивную саморефлексию» (проработку прошлого) и сомнительное аффективное отыгрывание? Данная статья не претендует на масштабные обобщения военной антропологии или memory studies в целом, — речь идет лишь о некоторой тенденции, о нескольких интересных историографических сюжетах, впрочем, весьма показательных в рамках разговора об анахронизме, «верности прошлому» и социальных обязательствах историка.

Время памяти: анахронизм как симптом

XX век все чаще называют веком памяти, возводя непосредственные истоки современных memory studies к текстам А. Бергсона, М. Пруста, З. Фрейда и М. Хальбвакса [Erll, Nünning, 2010; Radstone, Schwarz, 2010]. Подобная генеалогия наследует критику позитивистской стрелы времени — линейной взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Хотя, начиная с Б. Кроче и Р.Дж. Коллингвуда, историки стали признавать *активный* характер движения от настоящего к прошлому[1], но значимость *разрывов* во времени, принципиального *напряжения* между «тогда» и «сейчас» вышла на передний план лишь в последние 20-30 лет[2]. Все больше исследователей соглашается с В. Беньямином, который еще в тезисах «О понятии истории» (1940) писал: «История — предмет конструкции, место которой не пустое и гомогенное время, а время, наполненное „актуальным настоящим“ (Jetztzeit). Так, для Робеспьера Древний Рим являлся прошлым, заряженным актуальным настоящим, прошлым, которое он вырывал из исторического континуума. Французская революция понимала себя как возвращение Рима. Она цитировала Древний Рим так же, как мода цитирует

1 Например, Ж. Ле Гофф отмечал вслед за А. Лефевром: «Маркс ясно показал движение мысли историка. Историк исходит из настоящего, <...> он движется сперва в обратном направлении. Он идет от настоящего к прошлому. После чего он возвращается к современности, теперь уже анализируемой и познаваемой, вместо того, чтобы приступать к анализу некоей неясной целостности» [Ле Гофф, 2013, с. 40-41].

2 Правда, задним числом Х. Баба отмечает, что разрывы были важны для национальных историй на протяжении всей эпохи модерна: архаическое постоянно «возникало в сердцевине или на полях современности как результат некоторой психической амбивалентности или интеллектуальной неуверенности» [Баба, 2005, с. 76]. С этой точки зрения предельная жестокость колониальных и мировых войн представляла собой не просто архаический пережиток (анахронизм) давно ушедших эпох, но выступала как (полу)осознанное использование в интересах модернизации энергии насилия — создания разрывов и границ в пространстве и времени.

одеяния прошлого. У моды чутье на актуальность, где бы та ни пряталась в гуще былого. Мода — тигриный прыжок в прошлое. Только он происходит на арене, на которой распоряжается господствующий класс. Тот же прыжок под вольным небом истории — прыжок диалектический, как и понимал революцию Маркс. <...> Историческому материалисту не обойтись без понятия современности, представляющей собой не переход, а остановку, замирание времени. Ведь это понятие определяет именно ту современность, в которой он пишет свою личную историю. Историзм устанавливает „вечный“ образ прошлого, исторический материализм — опыт общения с ним, уникальный» [Беньямин, 2000, с. 86]. В этой цитате для нас особенно важны два момента: во-первых, принципиальная связь темпорального разрыва с эпохой модерна (современностью), а во-вторых, материальность этой связи, воплощенность этого опыта.

О том, что память — это «понятие, производящее саму современность», много пишет не только известный французский историк Ф. Артог [Hartog, 2010, p. 239]: пришедшие на смену наций *сообщества* активно создают собственные «узелки на память» или «узелки времени» (timeknot) [Chakrabarty, 2000, p. 243], «спутанные клубки воспоминаний» (tangled memories) [Sturken, 1999, p. 11], воскрешают прошлое в настоящем (present pasts) [Huyssen, 2003], живут «временем Мебиуса» [Wool, 2015]. Ф. Артог противопоставляет этот режим как античному, так и христианскому (августиновскому) восприятию времени: «Общепризнанно, что герои гомеровского эпоса живут только настоящим и в настоящем; для них не существует личного прошлого, каждый день они проживают как первый и единственный день жизни. Из этого представления исходил, в частности, Э. Ауэрбах, противопоставивший в книге „Мимесис“ гомеровское отношение ко времени отношению ветхозаветному. Однако Одиссей отличается от других гомеровских героев — прежде всего от Ахилла, „лишенного возвращения“, которое и составляет суть „Одиссеи“, Ахилла, „вечно сияющего в нескончаемом настоящем эпического времени“. <...> на пиру у феакийцев Одиссей слушает рассказ певца Демодока о своих собственных подвигах и сознает, что занимает в нем странное место — в точности то, какое много позже будут занимать умершие герои в историческом повествовании. Этот рассказ заставляет его плакать, причем не слезами узнавания („это я, это было так“), а горькими слезами человека, как бы умершего при жизни. Это переживание тягостного разрыва между собой прежним и собой теперешним в конечном счете приводит его к открытию, что время, заполняющее этот разрыв, и есть его прошлое» [Артог, 2004, с. 217].

Однако кроме этого разрыва для того же В. Беньямина, как и для многих современных исследователей, важно и то, что игрушки, вещи и даже города оказываются не просто результатом субъективных ощущений и воспоминаний, но фабрикой материального (вос)произ-

водства пространства-времени. С этой точки зрения, «коллективная память» — это не просто метафора, и даже не «сенсибилизирующее понятие» [Олик, 2012, с. 40-41], но физическая интенсификация отношений слов и вещей: «память всегда связана с конкретными телами, их опытом и их болью» [Huyssen, 2003, p. 110]. Воспоминания сегодня все чаще работают в режиме метонимии: фрагмент прошлого замещает целое; боль после ранения определяет общую панораму войны.

Переходя теперь собственно к американской военной антропологии, еще раз подчеркнем, что интерес к анахронизму сегодня, на наш взгляд, связан не только с темпоральной гетерогенностью памяти и переосмыслением республиканских идеалов модерна (о чем уже много и хорошо написано[1]), но и с интересом к «материализации памяти», ее «воплощению в теле» (embodiment, enfleshment).

Американская военная антропология: по ту сторону героического и трагического нарративов

Истоки военной антропологии в США иногда связывают с полемикой вокруг знаменитой работы Р. Бенедикт «Хризантема и меч» (1946) и трансформациями military studies после Второй мировой войны [Frese, Harrell, 2003][2]. С другой стороны, локальные конфликты, начиная с войны в Корее и заканчивая Ираком, подталкивали американских военных к привлечению антропологов для работы (консультирования) с непосредственными боевыми подразделениями [Rubinstein, Fosher, Fujimura, 2012; Rubinstein, 2008; Lucas, 2009]. Эта тенденция вызывала серьезное недовольство значительной части академического сообщества, развернувшего последовательную критику героического нарратива в military studies. К тому же в 1970–1990-е годы в американской гуманитаристике широко распространенным стало влияние trauma studies, чье возникновение было связано в том числе с пересмотром позитивистской темпоральности. Как подчеркивал один из известнейших историков

1 «Анахронизм — это неотъемлемая часть исторической sensibility, которая сопутствует определенной политической программе. Он связан с нашим поиском социальной справедливости. Но историзм и сопровождающая его идея анахронизма создают проблему для нашего проекта ‘провинциализации Европы’. Ибо историзм [сегодня] превращается в разочарование, фрустрацию и ресентимент» — отмечает Д. Чакрабарти [Chakrabarty, 2000, p. 248]. Анахронизм здесь выступает прямым наследником модернистского республиканского проекта эмансипации [Олейников, 2014].

2 Анализ военной проблематики в классической антропологии, безусловно, имеет огромное самостоятельное значение, однако выходит за рамки данной статьи [Otterbein, 1999].

данного направления А. Янг, «Посттравматическое стрессовое расстройство — это болезнь времени. Его специфическая патология в том, что оно позволяет прошлому (памяти) ожить в настоящем — в форме навязчивых образов и мыслей, а также в компульсивном повторении пациентом давних событий» [Young, 1995, p. 7].

Пожалуй, наиболее яркими адептами этой критики в военной антропологии стали профессора университета Брауна К. Лутц [Lutz, 2002; Lutz, Gutmann, 2010; Lutz, 2009] и Д. Прайс [Price, 2004; Price, 2008; Price, 2011; Price, 2016] из католического университета Св. Мартина в Лейси. В книге «Внутренний фронт: военизированный город и американский XX век» К. Лутц обращается к истории военной базы Форт Брэгг и расположенного рядом города Файетвилль. Ее интересуют повседневные связи армии и городского сообщества, жизнь которого оказывается пронизана следами милитаризма: «Все мы ощущаем проблемы, вызванные прославлением военной маскулинности и неравенства, порожденного насильственным перераспределением богатств. Все живем с наследием и риторикой национальной безопасности — относительно недавнего в историческом плане понятия, деформировавшего идею демократического гражданства и дискредитировавшего несогласие в попытке централизовать власть в руках корпоративных элит. Мы живем в ситуации возрождения идеи о самоутверждении через насилие. <...> Существует множество воспоминаний солдат о войне, но очень редко поднимается вопрос — как люди живут и осмысляют другую сторону войны — „домашний фронт“. В Файетвиле меня интересовало, как американский милитаризм влияет [affected] на повседневность, на людей, которые прожили с армией значительную часть своей жизни» [Lutz, 2002, p. 3–7]. По мнению Лутц, возможность провести жесткую границу между войной и миром, армией и гражданскими — всего лишь иллюзия. Экономика, повседневность, культурная индустрия, как и жизни родителей, братьев и друзей комбатантов, пронизаны последствиями и отголосками войны.

Однако столь прямолинейная критика милитаризма в 2000-е годы все чаще отходит на задний план, поскольку не совсем объясняет значительные различия в весьма гетерогенном опыте комбатантов и стратегиях его артикуляции. Повседневные тактики поведения ветеранов часто уклоняются от навязываемых «сверху» нарративов или выборочно используют их в своих собственных целях. А главное, как отмечает И. Финли из университета Южного Техаса, — макро-политическая критика милитаризма не интересует самих ветеранов: молодые латиноамериканцы из Сан-Антонио, у которых она брала интервью, рассматривают службу как хорошо оплачиваемую работу в условиях экономического кризиса, а воинскую карьеру — как действующий социальный лифт [Finley, 2011,

p. 10]. Поэтому прежде чем вернуться к социально-политическим вопросам, военные антропологи предлагают более детально разобраться с трансформацией физических ощущений комбатантов и ритуалами их повседневного взаимодействия. Как складываются их коллективная память и public feelings?

Один из наиболее интересных ответов на этот вопрос предлагает К. Маклиш из университета Вандербилта в своей диссертации «Что создает войну: повседневная жизнь военного сообщества» и изданной на ее основе монографии «Форт Худ и производство войны: жизнь и неопределенность в военном сообществе» [MacLeish, 2010; MacLeish, 2013]. Речь идет о крупной американской военной базе, подготовившей большую часть солдат и техники для отправки в Ирак и Афганистан, Форте Худ. Маклиш подчеркивает подвижность связей и значений, которые постоянно пересматриваются его рядовыми обитателями и служащими: «Солдаты, их близкие и все люди, связанные с армией постоянно словами и действиями переопределяют границы и представления о том, за что должна отвечать армия, что они сами ей должны или не должны, как армия может и как не может вмешиваться в их жизнь» [MacLeish, 2010, p. 60].

Основой этих решений становятся не просто память о войне, но ее материальная составляющая, связанная с тактильными ощущениями и телесным опытом выживания в рамках конкретного боевого подразделения, а также ее реактуализация в повседневном общении: «Ощущения войны по-разному в сенсорном, психическом и эмоциональном плане отпечатываются в повседневности и позволяют воспроизводить милитаристское насилие» [MacLeish, 2010, p. viii][1]. Однако, по мнению Маклиша, материалистический язык описания памяти как бриколажа осознанного опыта, эмоций и бессознательных аффектов находится «по ту сторону» критики милитаризма: он выражает прагматическую работу и специфическую машинерию телесных ощущений и автоматизмов, предельно сокращающую пространство саморефлексии и критики. «Существующие нарративы говорят нам, как воспринимать военную машину: некоторые вещи здесь якобы нужны и оправданы, другие — избыточны и нежелательны. Но сама машина не проводит такого различия: правило и исключение есть лишь обратная проекция на хаос недифференцированных эффектов. Интерпретировать нежелательные последствия военного насилия как „вторичные“, лишь сопутствующие оправданному насилию, — значит не просто неправильно понимать войну, но целенаправленно смешивать ее

1 «Живые аффекты войны предполагают жизнь с- и внутри тел, которые являются инструментами и объектами насилия» [MacLeish, 2010, p. 17].

цели и средства. <...> Эта машина не может быть отрегулирована и зафиксирована в оптимальном виде — она именно так и работает» [MacLeish, 2010, p. 9].

Неразрывная связь телесного опыта и военного снаряжения побуждает Маклиша к использованию делезовского языка машин и аффектов [MacLeish, 2015]. Современная война ведется дронами, высокоточным оружием и огромным числом машин, которые *управляются* и *управляют* людьми. Качественно разделить это взаимодействие на техническое/антропологическое исследователю не представляется возможным, и он предлагает использовать материалистический язык их описания как единого множества: «Возможно, человеческое тело — наиболее естественная и неотъемлемая часть военного оборудования и его ежедневной работы по производству войны» [MacLeish, 2010, p. 10]. Если кочевник выступает у Ж. Делеза как единство наездника, лошади и лука, то современная мотопехота представляет собой новое «металлизированное тело» БМП и его экипажа, обладающее единой огневой мощью и жизнестойкостью.

Лишь в конце своего исследования, отталкиваясь от идей Дж. Агамбена и Б. Массуми, Маклиш возвращается к проблемам (био)политики: солдат у него превращается в парадигматическую фигуру современной власти — «одновременно агента, инструмент и объект суверенного насилия» [MacLeish, 2010, p. 80], — которую милитаризм пытается превратить в идеал гражданственности для всего общества. Комбатант (а не представитель в парламенте), готовый отобрать чужую жизнь и отдать свою, в рамках этой парадигмы воплощает социальное действие как таковое.

Однако в рамках такого подхода остается не проясненным вопрос о времени: аффект как бы автоматически воспроизводится (отыгрывается) в настоящем, не оставляя выбора для ветеранов, стирая дистанцию для проработки или саморефлексии. Граница между «тогда» и «сейчас» исчезает.

Экстра/ординарность военного опыта и «время Мебиуса»

Эту проблему пытается прояснить З. Вул из Колумбийского университета, чья докторская диссертация посвящена «экстра/ординарности» повседневного опыта ветеранов, проходящих лечение и реабилитацию в госпитале Уолтера Рида в Вашингтоне. В центре ее внимания также оказывается «...забота о своем теле, которая становится в госпитале неотъемлемой частью повседневности. Она предполагает множество ситуативных решений: что одеть, куда сесть, когда принимать пищу. Ненадежность, непрочность

(precarity) тела заставляет его говорить громче» [Wool, 2011, p. 63]. Отталкиваясь от идей В. Дас [Das, 2006], З. Вул настаивает, что травматичное военное прошлое не само по себе преследует настоящее, но скорее его отголоски и последствия становятся материалом для актуальных решений, — из фрагментов обыденной повседневности превращаются в экстраординарное событие или действие. «Когда эта экстраординарность прорывается или выходит на поверхность, она возникает не из отдаленного прошлого, но из тихого живого настоящего» [Wool, 2011, p. 47].

Парадигматическим примером такой констелляции для З. Вул выступает история Чарли, и речь, и передвижения которого после ранения стали напоминать «погоню за кроликом»: отрывочные, не выстраивающиеся в нарратив фрагменты прошлого в настоящем (при слабой надежде, что их получится состыковать в будущем). В его рассказах описание неба в Ираке, падающие звезды, жара, горячая вода, которую солдаты вынуждены пить, чтобы утолить свою жажду, тучи мух, местные жители, которые справляют все свои надобности прямо на улице, чередуются с достаточно интимными подробностями его отношений с женой, обсуждением сегодняшнего обеда или демонстрацией куска металла, который хирурги извлекли из его груди в ходе операции. Столь разные фрагменты «тогда» и «сейчас» не выстраиваются в единую линию прошлое — настоящее — будущее, но лишь попадают в фокус его актуального внимания или выпадают из него. При этом любой такой фрагмент может мгновенно и естественно превратиться в нечто экстраординарное — монаду, отражающую весь мир[1]. Вслед за С. Ахмед Вул называет подобные метаморфозы *случайной встречей* или *столкновением* [encounters]: «Такая случайная встреча находится не просто в настоящем, каждая из них отсылает к предшествующим» [Wool, 2011, p. 33]. Этот специфический темпоральный эффект и является «временем Мебиуса»: прошлое здесь переходит в настоящее без какого-либо шва или перехода.

Однако в отличие от понятия аффекта у К. Маклиша констелляция прошлого и настоящего у З. Вул не происходит автоматически. Непроизвольная память не исключает критики и саморефлексии, служит не только для укрепления идентичности, но и для ее де-

1 «Для мышления необходимо не только движение мысли, но и ее остановка. Там, где мышление в один из напряженных моментов насыщенной ситуации неожиданно замирает, оно вызывает эффект шока, благодаря которому кристаллизуется в монаду. Исторический материалист подходит к историческому предмету исключительно там, где он предстает ему как монада» [Беньямин, 2000, с. 87].

конструкции[1]. Если все повседневные ритуалы в медицинском центре (видеоигры, просмотр ТВ, разговоры с персоналом и т. д.) призваны «убить время» и смягчить скуку, то непроизвольные флэшбэки и анахронизмы нарушают эту гомогенность «пустого времени», стремящуюся унифицировать ощущения комбатантов. Темпоральные разрывы оказываются важны для ветеранов именно в этой своей критической функции. Создавая напряжение между «тогда» и «сейчас», они провоцируют поиски смысла (чаще всего неудачные): «Время от времени, снова и снова они прорываются в настоящее, гротескно подмигивают нам, озаряя наши лица слабой улыбкой узнавания» [Wool, 2011, p. 140]. Именно этот смысловой сбой и опыт темпоральной дезориентации во многом вызывают отказ от метафорического языка описания прошлого и попытку заменить его метонимическим (впрочем, тоже не очень удачную).

Перспективы военной антропологии в России

Насколько все эти историографические сюжеты важны для российского читателя? На наш взгляд, ответ на этот вопрос напрямую связан не только с военно-политическими реалиями последних лет и использованием ностальгии как ресурса легитимации[2], но и с положением дел в академическом сообществе.

Как известно, лидером военно-исторической антропологии в России уже долгое время является Е.С. Сенявская, делающая акцент

1 Как и К. Маклиш, З. Вул подчеркивает дерридианскую невозможность принять «дар смерти» и жертвы комбатантов: «Дар часто несет следы смерти и насилия. Работу солдат — насилие, которое они воспроизводят и которому подвергаются сами, — можно рассматривать как дар, предназначенный государству и его населению, от имени которого оно совершается. Этот дар смерти — готовность к смерти и способность нести смерть другим — определяет исключительное положение солдата как агента, инструмент и объект суверенного насилия». «Солдаты рассчитывают на признание и не хотят, чтобы природа их дара трактовалась ошибочно. Но ни им, ни нам не хватает силы и языка для того, чтобы определить смысл / значение этого дара, ибо словарь сознания неизбежно упрощает их опыт. Пытаясь его уловить, мы постоянно используем разного рода клише. Солдатам не нравится такая поверхностная благодарность, но они предпочитают не говорить о подлинном положении вещей» [MacLeish, 2010, p. 239, 285].

2 Как справедливо отмечает И. Калинин, «Причины того, что постсоветское общество с энтузиазмом утилизирует прежние культурные формы, связаны с образовавшимся после краха советского универсума дискурсивным вакуумом, заставляющим покрывать дефицит символических средств за счет обращения к ‘культурно-историческому наследию’» [Калинин, 2013, с. 196]. Об этой проблеме также много пишет С. Ушакин [Oushakine, 2013].

на *экзистенциальном* опыте фронтовиков, а также *тождестве* фронтового опыта участников мировых войн и локальных конфликтов XX в. [Сенявская, 1999]. Реальность и подлинность воспоминаний ветеранов здесь представляются самоочевидными. Задача историка — включить их в единую линию, выяснить отличия опыта участников разных войн и, таким образом, реконструировать *прошлое* почти «как оно было на самом деле»[1]. С другой стороны, как справедливо отмечают сторонники конструктивистской теории репрезентации, и социальная память в целом, и воспоминания самих ветеранов во многом определяются *современной* медиа-политикой: «Продукты массовой культуры, как правило, претендуют на изображение *реальной Войны:* Войны как таковой. Игры с *Войной* на российском телевидении, в коммерческом кинематографе (как и в популярной литературе) провоцируют тесное переплетение художественности и „документальности“ a posteriori» [Зверева, 2002, с. 103].

На наш взгляд, оба этих подхода избирают слишком прямолинейную стратегию: опыт фронтовиков локализуется либо в прошлом, либо исключительно в настоящем. Понятие анахронизма помогает, во-первых, проблематизировать его темпоральную топологию[2]. А, во-вторых, актуальным представляется деконструкция метафорического языка описания как прямого доступа к опыту прошлого (которое описывается через «народный характер»), так и универсального медийного посредничества (метафорики национального величия в политической пропаганде). Как признают уже упоминавшиеся Г.И. Зверева и Е.С. Сенявская, сами ветераны предпочитают другой язык — более телесный (скорее метонимический) или вообще отказываются говорить [Зверева, 2002, с. 109; Кобылин, Николаи, 2014].

Ветераны (особенно участники локальных войн) вынуждены во многом самостоятельно артикулировать свои ощущения и воспоминания в условиях переплетения прошлого и настоящего. Они не просто следуют какой-то стратегии репрезентации или аффективно отыгрывают опыт прошлого, но действуют ситуативно, включаясь в разные актуальные социально-культурные и повседневные практики: с иронией обсуждают сериалы и фильмы; частично выкладывают фотографии со службы в интернет-сетях; включаются в локальные практики коммеморации и деятельность ветеранских организаций (число которых в России достигает 1400); пишут рассказы и т. д. Специфическая фрагментарность этих высказываний,

1 «Главные черты „народного характера“, его основа, сохранялась у армии и была узнаваема во всех войнах» [Сенявская, 1999, с. 98].

2 Напомним официальный девиз Российского союза ветеранов Афганистана: «Памяти павших, во имя живых».

а также их нацеленность на телесный опыт могут выступать признанием сложности движения на перекрестке прошлого и настоящего, а также неудачности большинства метафор, в том числе предлагаемых профессиональными историками.

Осмысление актуальных политических реалий, включая новые (гибридные) войны, невозможно без предварительного разговора об опыте ветеранов, тех социально-культурных практиках, в которые они вовлекаются, и их готовности поддерживать/пересматривать макрополитические рамки[1].

На наш взгляд, анахронизм далеко не всегда можно рассматривать как осознанную «верность прошлому». Часто разделить аффективное отыгрывание и проработку практически невозможно, настолько тесно они взаимосвязаны. Разговор о конкретных судьбах людей, коммеморативных практиках и сообществах должен быть максимально приближен к реальности. Только тогда он сможет уловить ситуативные изменения границ между прошлым и настоящим, а не просто повторить вслед за Ж. Ле Гоффом [2013, с. 79] красивые слова о том, что «память — это понятие-перекресток».

Презентистский режим историчности использует прошлое как ресурс для обеспечения своих сегодняшних прагматических потребностей. Критика такого презентизма, совершенно обоснованно испытывающая интерес к «остаткам», руинам, узелкам на память и времени Мебиуса, — событиям и вещам, которые идут к нам со стороны прошлого, — видит напряжения и силовые поля, лежащие между «тогда» и «сейчас». Но деконструкция не может быть самоцелью — важна и «позитивная» совместная работа над прошлым, которая могла бы стать основой для новых форм социальной солидарности.

Библиография

Артог Ф. (2004) Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени. *Отечественные записки,* (5): 214-225.

Баба Х. (2005) Диссеминация: время, повествование и края современной нации. *Синий диван*, (6): 68-118.

Беньямин В. (2000) О понятии истории. *Новое литературное обозрение*, 46 (6): 77-96.

Вахштайн В.С. (2005) Возвращение материального: «пространства», «сети», потоки» в акторно-сетевой теории. *Социологическое обозрение*, (1): 94-115.

1 В этом смысле более продуктивной представляется не столько историзация военного опыта, сколько социологический анализ рамок и практик его артикуляции в условиях «поворота к материальному» [Вахштайн, 2005].

Зверева Г.И. (2002) «Работа для мужчин»? Чеченская война в массовом кино России. *Неприкосновенный запас*, 26 (6): 102-110.

Калинин И. (2013) Нехватка политической субъективности, или исторический *photoshopping. Неприкосновенный запас*, 87 (1) С. 192-203.

Кобылин И.И., Николаи Ф.В. (2014) Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика. А.В. Гладышев (ред.) *История и историческая память*, (9): 90-103.

Ле Гофф Ж. (2013) *История и память*. М.: РОСПЭН.

Олейников А. (2014) Откуда берется прошлое? (Апология анахронизма). *Новое литературное обозрение*, 126 (2): 337-344.

Олик Дж. (2012) Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. *Социологическое обозрение*, (1): 40-74.

Сенявская Е. С. (1999) *Психология войны в XX веке: исторический опыт России*. М.: РОССПЭН.

Chakrabarty D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*, Princeton: Princeton University Press.

Das V. (2006) *Life and Words: Violence and the Descent into the Ordinary*, Berkley: California University Press.

Erll A., Nünning A. (eds) (2010) *A Companion to Cultural Memory Studies*, Berlin: De Gruyter.

Finley E.R. (2011) Fields of Combat: Understanding PTSD among Veterans of Iraq and Afghanistan, N.Y.: Cornell University Press.

Frese P., Harrell M. (eds) (2003) *Anthropology and the United States Military: Coming of Age in the Twenty-First Century*, N.Y.: Palgrave Macmillan.

Hartog F. (2010) What is the Role of the Historian in an Increasingly Presentist World? Harlaftis G., Karapidakis N., Sbonias K., Vaiopoulos V. *The New Ways of History: Developments in Historiography.* N.Y.: Tauris Academic Studies.

Huyssen A. (2003) *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*, Stanford University Press.

Lucas G.R. (2009) *Anthropologists in Arms: The Ethics of Military Anthropology*, Plymouth: AltaMira Press.

Lutz C. (2002) *Homefront: A Military City and the American Twentieth Century*, Boston: Beacon Press.

Lutz C. (2009) Anthropology in an Era of Permanent War. *Anthropologica*, 51: 367-379.

Lutz C., Gutmann M. (2010) *Breaking Ranks: Iraq Veterans Speak Out against the War*, Berkley: University of California Press.

MacLeish K. (2015) The Ethnography of Good Machines. *Critical Military Studies*, 1 (1): 11-22.

MacLeish K. (2010) *"What Makes the War": Everyday Life in a Military Community*, Diss... PhD. The University of Texas at Austin.

MacLeish K. (2013) *Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Muller J.-W. (ed) (2002) *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*, Cambridge: Cambridge University Press.

Otterbein K.F. (1999) History of Research on Warfare in Anthropology. *American Anthropologist*, 101 (4): 794-805.

Oushakine S. (2013) *Remembering in Public: On the Affective Management to History. Ab Imperio*, (1): 269-302.

Price D. (2004) *Threatening Anthropology: McCarthysm and the FBI's Surveillance of Activist Anthropologists*, Duke University Press.

Price D. (2008) *Anthropological Intelligence: The Deployment and Neglect of American Anthropology in the Second World War*, Duke University Press.

Price D. (2011) *Weaponizing Anthropology: Social Science in Service of the Militarized State*, AK Press.

Price D. (2016) *Cold War Anthropology: The CIA, the Pentagon, and the Growth of Dual Use Anthropology*, Duke University Press.

Radstone S., Schwarz B. (eds) (2010) *Memory: Histories, Theories, Debates*, Fordham University Press.

Rubinstein R., Fosher K., Fujimura C. (eds) (2012) *Practicing Military Anthropology: Beyond Traditional Boundaries and Expectations*, Bloomfield: Kumarian Press.

Rubinstein R.A. (2008) *Peacekeeping under Fire: Culture and Intervention*, Boulder: Paradigm Publishers.

Shay J. (1995) *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and Undoing of Character*, N.Y.: Simon & Shuster.

Shay J. (2003) *Odysseus in America: Combat Trauma and the Trials of Homecoming*, N.Y.: Scribner.

Sturken M. (1999) *Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic, and the Politics of Remembering*, Berkley: University of California Press.

Tritle L.A. (2000) *From Melos to My Lai: War and Survival*, N.Y.; London: Routledge.

Wool Z. (2015) *After War: The Weight of Life at Walter Reed*, Duke University Press.

Wool Z.H. (2011) *Emergent Ordinaries at Walter Reed Army Medical Center: An Ethnography of Extra/ordinary Encounter*, Diss... PhD. University of Toronto.

Young A. (1995) *The Harmony of Illusions: Inventing Post-Traumatic Stress Disorder*, Princeton: Princeton University Press.

References

Artog F. (2004) Tipy istoricheskogo myshlenija: prezentizm i formy vosprijatija vremeni [Regimes of historicism: presentism and experience of time]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic writings], (5): 214-225.

Baba H. (2005) DissemiNacija: vremja, povestvovanie i kraja sovremennoj nacii [DissemiNation: time, narrative, and the margins of the modern nation]. *Sinij divan* [Blue divan], (6): 68-118.

Ben'jamin V. (2000) O ponjatii istorii [On the concept of history]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Russian Studies in Literature], 46 (6): 77-96.

Chakrabarty D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*, Princeton: Princeton University Press.

Das V. (2006) *Life and Words: Violence and the Descent into the Ordinary*, Berkley: California University Press.

Erll A., Nünning A. (eds) (2010) *A Companion to Cultural Memory Studies*, Berlin: De Gruyter.

Finley E.R. (2011) *Fields of Combat: Understanding PTSD among Veterans of Iraq and Afghanistan*, N.Y.: Cornell University Press.

Frese P., Harrell M. (eds) (2003) *Anthropology and the United States Military: Coming of Age in the Twenty-First Century*, N.Y.: Palgrave Macmillan.

Hartog F. (2010) What is the Role of the Historian in an Increasingly Presentist World? Harlaftis G., Karapidakis N., Sbonias K., Vaiopoulos V. *The New Ways of History: Developments in Historiography.* N.Y.: Tauris Academic Studies. P.

Huyssen A. (2003) *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*, Stanford University Press.

Kalinin I. (2013) Nehvatka politicheskoj subektivnosti, ili istoricheskij photoshopping [The lack of political subjectivity, or historical photoshopping]. *Neprikosnovennyj zapas* [NZ: debates on politics and culture], 87 (1): 192-203.

Kobylin I.I., Nikolai F.V. (2014) Pereopredeljaja granicy soobshhestva: kul'turnaja pamjat', travma, biopolitika [Redefining the borders of community: cultural memory, trauma, biopolitics]. Gladyshev A.V. (red.) *Istorija i istoricheskaja pamjat'* [History and historical memory], (9): 90-103.

Le Goff Zh. (2013) *Istorija i pamjat'* [History and memory]. M.: ROSPJeN.

Lucas G.R. (2009) *Anthropologists in Arms: The Ethics of Military Anthropology*, Plymouth: AltaMira Press.

Lutz C. (2002) *Homefront: A Military City and the American Twentieth Century*, Boston: Beacon Press.

Lutz C. (2009) Anthropology in an Era of Permanent War. *Anthropologica,* 51: 367-379.

Lutz C., Gutmann M. (2010) *Breaking Ranks: Iraq Veterans Speak Out against the War*, Berkley: University of California Press.

MacLeish K. (2010) *"What Makes the War": Everyday Life in a Military Community,* Diss... PhD. The University of Texas at Austin.

MacLeish K. (2013) *Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

MacLeish K. (2015) The Ethnography of Good Machines. *Critical Military Studies*, 1 (1): 11-22.

Muller J.-W. (ed) (2002) *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*, Cambridge: Cambridge University Press.

Olejnikov A. (2014) Otkuda beretsja proshloe? (Apologija anahronizma) [Where is the past from? (Apologia of anachronism)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Russian Studies in Literature], 126 (2): 337-344.

Olik Dzh. (2012) Figuracii pamjati: processo-reljacionnaja metodologija, illjustriruemaja na primere Germanii [Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian sociological review], (1): 40-74.

Otterbein K.F. (1999) History of Research on Warfare in Anthropology. *American Anthropologist*, 101 (4): 794-805.

Oushakine S. (2013) *Remembering in Public: On the Affective Management to History. Ab Imperio*, (1): 269-302.

Price D. (2004) *Threatening Anthropology: McCarthysm and the FBI's Surveillance of Activist Anthropologists*, Duke University Press.

Price D. (2008) *Anthropological Intelligence: The Deployment and Neglect of American Anthropology in the Second World War*, Duke University Press.

Price D. (2011) *Weaponizing Anthropology: Social Science in Service of the Militarized State*, AK Press.

Price D. (2016) *Cold War Anthropology: The CIA, the Pentagon, and the Growth of Dual Use Anthropology*, Duke University Press.

Radstone S., Schwarz B. (eds) (2010) *Memory: Histories, Theories, Debates*, Fordham University Press.

Rubinstein R., Fosher K., Fujimura C. (eds) (2012) *Practicing Military Anthropology: Beyond Traditional Boundaries and Expectations*, Bloomfield: Kumarian Press.

Rubinstein R.A. (2008) *Peacekeeping under Fire: Culture and Intervention*, Boulder: Paradigm Publishers.

Senjavskaja E. S. (1999) *Psihologija vojny v HH veke: istoricheskij opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century: Russian historical experience]. M.: ROSSPJeN.

Shay J. (1995) *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and Undoing of Character*, N.Y.: Simon & Shuster.

Shay J. (2003) *Odysseus in America: Combat Trauma and the Trials of Homecoming*, N.Y.: Scribner.

Sturken M. (1999) *Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic, and the Politics of Remembering*, Berkley: University of California Press.

Tritle L.A. (2000) *From Melos to My Lai: War and Survival*, N.Y.; London: Routledge.

Vakhshtayn V.S. (2005) Vozvrashhenie material'nogo: «prostranstva", «seti", potoki" v aktorno-setevoj teorii [The return of material: "spaces", "networks", "flows" in actor-network theory]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian sociological review], (1): 94-115.

Wool Z. (2015) *After War: The Weight of Life at Walter Reed*, Duke University Press.

Wool Z.H. (2011) *Emergent Ordinaries at Walter Reed Army Medical Center: An Ethnography of Extra/ordinary Encounter*, Diss... PhD. University of Toronto.

Young A. (1995) *The Harmony of Illusions: Inventing Post-Traumatic Stress Disorder*, Princeton: Princeton University Press.

Zvereva G.V. (2002) «Rabota dlja muzhchin"? Chechenskaja vojna v massovom kino Rossii [Men's job? The Chechen War in the Russian mass-movie]. *Neprikosnovennyj zapas* [NZ: debates on politics and culture], 26 (6): 102-110.